

Жазмен и артменеджер

Анатолий Берестов

Наш сегодняшний гость — новокузнецчанин Анатолий БЕРЕСТОВ. Музыкант. Джазовый пианист. Заслуженный артист России. Душа и организатор фестивалей «Джаз у Старой крепости». Президент джаз-клуба «Геликон». Выступал в Концертном зале им. Чайковского.

— Вы — пианист. Это собственноручный выбор или исполнение маминого желания?

— Мои родители — музыканты. Было бы удивительно, если бы я не учился в музыкальной школе. Правда, как и большинство детей, без особого желания. Только к окончанию школы мне стало интересно. А теперь я понимаю, что иначе и быть не могло. Расту в музыкальной семье и не впитать ее заботы невозможно. Меня водили на все симфонические концерты, на всех исполнительских конкурсах, которых очень много приезжало в Новокузнецк. Дома обсуждалось исполнение, какие-то места проигрывались. Я стал понимать и чувствовать музыку.

— Теперь вы благодарны за «детские муки» родителям?

— Конечно. Маме — за ненавязчивую профориентацию, например. Она вставала рано и тут же садилась за пианино. Я просыпался под звуки гамм и сложных музыкальных произведений. Это стало частью детства. Может быть, и поэтому к шестому классу я был утомлен репертуаром музыкальной школы и начал сам разбирать сложные произведения, которые «зашкаливали» за консерваторию. Хотя и в школе и в училище учился плохо, но дома занимался. Родители заставляли меня играть много. Занимались со мной по очереди.

— Так, значит, правильно поступают те родители, которые силой заставляют детей заниматься каким-нибудь делом...

— Ради их же светлого будущего? Абсолютно. Потому что любое воспитание, любое образование — это не что иное, как ограничение свободы. Это никому не нравится. Но рано или поздно человек все равно становится свободным, благодаря именно тем ограничениям. Для того чтобы человек не погиб, его нужно во многом ограничивать в детстве. Мои родители дали мне все, что могли. Путем ограничения моих свобод. Они создали вокруг меня такую атмосферу, которая очень здорово защищала меня от дурного влияния улицы, например. И вообще, занятия в музыкальной школе от многого плохого меня уберегли.

Наш разговор плавно переходит на общеобразовательную школу. И я узнаю, что школьник Берестов школу не любил. Потому (и в этом он сейчас уверен), что там искусственно создавался и культивировался антагонизм среди детей. Иначе как назвать поведение учительницы, которая говорила классу: «Вот вы сейчас будете парты мыть, а Берестов пойдет брэнчать на пианино». У него в школе прозвище было Музыкальный фриц. Музыкальный — понятно почему. А фриц — потому что предатель, вероятно, интересов класса. Мы оба добродушно негодуем.

— Мне представляется, что музыка есть средство самовыражения. И кажется, нет более счастливого момента, когда ты сливаешься с инструментом и вместе вы говорите миру то, что невозможно сказать другими способами. Это я наивно так полагаю?

— Вовсе нет. Такое действительно бывает. Но очень редко. Я думаю, даже у корифеев. А звездные моменты, когда ты паришь, творишь, колдуешь звуком, всегда неожиданны даже для самого себя. И это музыкантское счастье.

— А талант исключает усидчивость?

— Чугунная задница — непременно прилагательное к таланту. Тогда и начинается гениальность. Когда человеку все легко дается. Он чаще всего бежит по верхам. Только работоспособность делает его большим мастером.

— Но в любом деле важен хороший учитель, у вас был такой?

— А это уже почти о рок-фестивалях. Просто однажды понял, что хочу научиться играть джаз. Хорошо научиться этому можно только у людей, которые

владеют школой. У нас таких нет. Значит, решил я, нужно приглашать сюда известных музыкантов со всего мира. К моему удивлению, они охотно откликнулись. Приехали. Лучшие из России, Америки, Франции и т.д. И с удовольствием показывали, как брать какие-то аккорды, какой звук добавить, чтобы звучало особенно красиво.

Берестов делает сложные движения руками по столу, за которыми мы сидим. Показывает, как поставить пальцы, чтобы звучало нечто. Он рассказывает о джазе. А я впитываю. Потому что еще часом раньше была убеждена, что джаз — это виртуозная импровизация, рождающаяся на сцене в момент исполнения. Но он точно знает, что хороший экспромт заранее подготовлен. Что хорошая джазовая композиция — это серьезная композиторская работа. В ней выверено все «от и до». В ней нет никакой спонтанности. В ней все четко подчинено жанрам. И я удивлена.

— А каких современных музыкантов почитаете?

— Самые любимые Бутман, Девид Кикоски, Кейт Джаррет, Майкл Бреккер, Джошуа Ридман, Спиваков, Башмет.

— Ваш любимый музыкальный инструмент? Кроме рояля, конечно.

— Варган. Вибрацией своей он мне нравится. Я его использую в своих концертах.

И он подносит палец к губам, вытягивает их и изображает звук типа «бау-бау-бау». Не без основательной полагает, что у нас он ассоциируется с фольклорным инструментом народов Севера, Казахстана, Тувы, Якутии. Добавляет, что еще и Норвегии, Финляндии и Южной Африки. А у самого Анатолия этот инстру-

мент ассоциируется с Космосом. Еще среди любимых — трещотки, колокольчики. Набор колокольчиков, к моему счастью, оказался рядом. И я наконец-то наслаждалась звуком — мелодичным, звенящим, таинственным. И подержала в руках настоящий валдайский колокольчик. Ему лет 100. Он украшен тонкой кружевной гравировкой. И звучит дивно — нежно и чарующе.

— Вы когда-нибудь подытоживаете то, что делаете? И правильно ли?

— Думаю, живу и делаю все правильно. Как единственный сын, например, сам закрыл глаза своим родителям. Сам их одел и подготовил все к похоронам. Приезжаю к ним часто. Теперь знаю, что чем больше времени проходит с тех пор, как теряешь родителей, тем труднее считать себя хорошим сыном. И это нормально для сына. У меня появилась дочь, сейчас ей 10 месяцев. Джаз-клуб «Геликон», который я создал, широко известен в России. Открыл музыкальную джазовую школу. У нее пока много проблем. Но 70 ее учеников учатся понимать джаз. И у них есть возможность слушать очень хороших исполнителей.

— А чего вы до сих пор не можете понять об окружающей вас жизни?

— Человеческого вероломства. Когда предают друзья. Не могу понять природу человеческой зависти. Мне непонятна жадность, проявления «жлобства».

— Предательства вы другу не простите, даже если он раскаялся?

— Не прощу. Предательство друзей подрывает мои силы. Мне всегда было легко верить людям. Теперь же практически никому не

верю. Стараюсь не держать около себя тех, кто ко мне плохо относится. Кто вместо дела занимается демагогией. Кто плетет интриги. Теперь точно знаю, что интриги — следствие профессиональной несостоятельности.

— А что значит для вас любовь, стимул для творчества?

— Романтикам уподобляться не хочу. Слово «любовь» вслух не произношу. И своей жене не говорю. Просто считаю, когда говорят: «Я тебя люблю» — можно смело разделить на 48 и забыть. Произнесенные слова — просто звуки. Они не отражают сути. Ими прикрывают нечто другое.

— А как тогда близкие узнают, что они вам дороги?

— Думаю, они это чувствуют. Хотя не режу мяса, не забиваю гвоздей, но могу это организовать. И вообще, муж не тот, кто кастрюлю лудит, а тот, кто делает все возможное, чтобы семья не нуждалась, жила в приличной квартире, отдыхала. Я дома человек неинтересный: много времени за телевизором провожу.

— Как вы отдыхаете?

— Обычно в Горном Алтае. Едем на машине, нравится место, — останавливаемся. И отдыхаем. А сейчас наша маленькая девочка позволит нам отдохнуть только в деревне.

— Любимое занятие?

— Водить машину. Сейчас у меня «Дев Нексия», за рулем которой я отдыхаю.

— Чему хотелось бы научиться?

— Английскому языку. В школе никак к нему не относился, не учил. А теперь знания языка не хватает. Надо как-то общаться с моими гостями на фестивалях. Хочется много и хорошо.

— Какая черта собственного характера вам особенно симпатична?

— Авантюризм. Все мои 18 джазовых фестивалей — чистой воды авантюра. Стопудовый риск. Все и всегда в любой момент могли и могут сорваться. А потом, авантюризм не что иное, как возможность доказать себе самому, что ты что-то можешь. Ты сам. Все те усилия, которые предпринимаешь вопреки всему, — это и есть ты сам плюс твоя удача.

А еще мы говорим о том, что провинциалам очень важно чаще выезжать, чтобы увидеть другую жизнь. Окунуться в нее. Почувствовать бег времени, который у нас не так ощутим. Увидеть что-то новое, набраться впечатлений. Чтобы дома можно было строить что-то похожее. Да, дороговизна билетов превращает самое обычное путешествие в почти неосуществимую мечту. Конечно, за словом «мечта» сразу возник город Париж. И мы с удовольствием вспоминаем замечательную книгу Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которая целому поколению служила заочным путеводителем по Парижу. Ах, Париж... Если бы в наших индустриальных городах открыли маленькие кафе, где можно было бы тихо пообедать под звуки рояля. И Берестов в таком кафе с удовольствием бы поиграл и классики, и джаз. Нет, мы не строим иллюзий, мы просто разговариваем о жизни. Говорить и мечтать с пианистом Берестовым, стремительным, неуправляемым, умеющим считать по кругу, — одно удовольствие.